

К. В. Григоричев

Григоричев Константин Вадимович (Иркутск, Россия) — кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательской части, руководитель лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета; Email: grigoritchev@yandex.ru

ВООБРАЖЕННОЕ СООБЩЕСТВО: КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНОСТИ В НЕИНСТИТУЛИЗИРОВАННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИГОРОДА

В статье анализируется процесс формирования локального сообщества в пригородном пространстве Иркутска, которое формируется в логике стихийного субурбанизма. В основе статьи лежит исследовательский кейс формирования пригородного поселения на основе садоводческого товарищества. Автор рассматривает пригород как гетерогенное пространство, существующее вне правового поля и властного дискурса. Массовый приток горожан в это пространство приводит к формированию множества разнотипных локальностей. Анализируя случай развития постоянного пригородного поселения на основе садоводческого товарищества, автор приходит к выводу о специфическом механизме формирования локальности. Он заключается в рефлексивном конструировании «невидимой» локальности через производство ((ре)освоение) физического пространства. По мнению автора, «невидимость» описанной локальности и пригорода как особого пространства становится одним из важнейших факторов их развития.

Ключевые слова: локальность, воображаемое сообщество, садоводческие товарищества, пригороды, Иркутск

K. Grigorichev

Konstantin Grigorichev (Irkutsk, Russia) — PhD in Historical Sciences, Laboratory of Historical and Political Demography, Irkutsk State University; Email: grigoritchev@yandex.ru

IMAGINED COMMUNITY: LOCALITY CONSTRUCTION IN A NON-INSTITUTIONALIZED SPACE OF SUBURB

The article analyzes the process of formation of the local community in a suburban area of Irkutsk, which is formed mainly in the logic of grassroots suburbanism. The research is based on the case of suburban settlements formation on the basis of a horticultural society. The author examines the suburb as a heterogeneous space existing outside the legal field and discourse of power. The massive migration from the city in this space for permanent residence leads to the formation of a great number of different types of locality. Analyzing the case of development of a permanent suburban settlement on the basis of

a horticultural ("dacha") community, the author concludes that a specific mechanism of formation of the locality is appearing. It is a reflexive construction of "invisible" locality through the production ((re) development) of physical space. According to the author, "invisibility" of the examined locality and suburb as a special space is one of the most important factors of their development.

Keywords: locality, imagined community, gardening, city environs, Irkutsk

Введение

Отсылка к названию книги Бенедикта Андерсона [2] вынесена в заголовок этой статьи не случайно. В своем тексте я хотел бы показать пример конструирования сообщества и локальности, основанный на не только (а может и не столько) стихийных процессах, но и на более или менее отрефлексированном желаемом образе, своего рода, идеальной целевой модели. Модели, которая реализуется в неинституализированном пространстве пригорода, отсутствующем в правом поле и властном дискурсе. Мне представляется чрезвычайно интересным такой вариант формирования локальности, который создается не на основе номинированных форм (сельское или городское поселение, коттеджный поселок, etc.) и институализированных рамок («муниципальное образование»), но в значительной мере вопреки им. Я попытаюсь показать, как, оставаясь не зафиксированным ни в одной системе сбора информации, мимикрируя под типовое дачное товарищество, рефлексивно конструируется новое сообщество и локальность загородного поселения.

В основу статьи положен исследовательский кейс формирования пригородного поселения на основе садоводческого товарищества (СНТ) в зоне развивающейся субурбии Иркутска. Выбор кейса обусловлен, с одной стороны, его типичностью — практика образования подобных постоянных пригородных поселений становится все более распространенной и описываемый мною случай не самый масштабный пример подобной трансформации. С другой стороны, в описываемой локальности процесс формирования сообщества проявляется чрезвычайно рельефно, что обуславливается спецификой развития СНТ, являющегося основной поселения. Непосредственной эмпирической базой является серия полу-структурированных интервью с жителями пригородов, риэлторами, представителями локальных и районной администрации, проведенных в 2009-2014 гг. в пригородных поселениях Иркутска, а также полевые наблюдения. Материалы статистики, используемые здесь в качестве необходимого контекста, взяты преимущественно из общедоступных публикаций Иркутскстата [9] и данных статистического учета муниципальных администраций пригородного района.

Многообразие в тени города: необходимые концептуальные замечания

Мне представляет совершенно необходимым коротко описать масштабы и характер субурбанизационного процесса и сделать несколько концептуальных замечаний относительно пригородного пространства Иркутска, без которых дальнейший анализ будет вырван из контекста.

Динамичный рост пригородной зоны Иркутска начался на рубеже 1990-2000-х, и к началу 2014 года численность населения пригородного района превысила 103 тыс. чел. (около 1/5 от численности жителей областного центра). Основой бурного роста является высокий миграционный прирост населения (в 2013 г. 4584 чел., что на порядок больше естественного

LOCUS IMAGINEM

прироста в районе (458 чел.) и лишь на четверть ниже, чем миграционный прирост в областном центре). Коэффициент миграционного прироста в пригородном районе составляет 52,5 на 1000 чел., тогда как в Иркутске он равен 10,3 на 1000 жителей. При этом фиксируется только постоянное население, тогда как значительная часть жителей пригорода, не зарегистрированных на его территории, в учет не попадает.

В основе развития иркутских пригородов лежит миграция горожан на постоянное жительство «за город». Иными словами, субурбанизация здесь происходит скорее в русле «классического» североамериканского пути формирования пригородов [26], нежели, «запаздывающей субурбанизации» [34] и «фрагментированной пери-урбанизации», свойственной, например, субурбиям крупнейших городов Китая [33]. Такая специфика может объясняться высокой урбанизированностью региона, поскольку «китайская» модель более заметно проявляется в относительно слабо урбанизированной Республике Бурятия [4].

Вместе с тем, Иркутский случай субурбанизации имеет массу серьезных особенностей, не позволяющих говорить о прямом диахронном повторении «классического пути». Одним из основных его отличий от ранних этапов субурбанизации в США (до середины XX века, когда она приняла действительно массовый характер [26]), на мой взгляд, является широкий спектр участников и не менее разнообразная палитра форм пригородных поселений. Если для «классической» американской субурбанизации была характерна существенная социальная однородность [19, с. 476 – 478], задававшая близкие стандарты организации поселенческой среды и жилого пространства [25], то в рассматриваемом случае ситуация иная.

Заселение пригородов Иркутска происходит за счет притока из города самых разных социальных групп, сходных, пожалуй, только минимальным уровнем покупательской способности (возможность приобрести участок с домом или под строительство, в том числе в кредит). Заложена в субурбанизационной волне социальная и экономическая неоднородность определяет и широкий спектр способов освоения горожанами пригородных территорий, проявляющийся в разнообразных вариантах пригородных поселений. Среди них можно обнаружить и «закрытые» коттеджные поселки, представляющие собой форму элитного потребления [18, с. 219] и в таком качестве позиционируемые на рынке загородной недвижимости; микрорайоны, застраиваемые крупными строительными компаниями в формате малоэтажного жилья категории low-cost; обширную застройку горожанами территорий существующих «сельских» населенных пунктов и прилегающих к ним земель сельскохозяйственного назначения; поселки, складывающиеся на основе садоводческих товариществ.

Иными словами, пространство формирующихся пригородов Иркутска изначально весьма гетерогенно, что для «классической» субурбии рефлексировалось исследователями сравнительно недавно [22, 24, 27]. Отказ от учета этого обстоятельства может привести к слишком смелым экстраполяциям, когда свойства одного из вариантов развития пригородных поселений приписываются пригороду в целом, ошибочность чего становится очевидна даже для «классической» североамериканской субурбии [27]. Так, например, архитектурные формы «рублевского периода» [14], нехарактерные даже для пространства элитных поселков, контекстуально показываются как типичная пригородная архитектура, а пригородному населению приписывается в качестве типовой черты разобщенность и неконсолидированность, когда «общинные связи уже нарушены, но связи сообщества так и не появились» [10]. Мне представляется, что подобный взгляд существенно упрощает происходящие процессы, игнорируя роль места и пространства в социальных процессах [23], в рамках которых сообщества могут развиваться по-разному под воздействием сходных факторов [27].

Второй важнейшей особенностью развития пригородов Иркутска является неявный, образно говоря «теневого» характер развития. Эта особенность имеет две стороны, которые можно условно обозначить как проблему легитимизации и проблему фиксации. Первая из них связана с тем, что система административно-территориального деления, номинирующая и территориальные границы, и имманентные свойства образуемых единиц, не предполагает самой возможности выделения пригородных территорий. Закон об основах местного самоуправления [17] определяет только сельские и городские поселения и не оставляет места для пригородов, растворяя их в довольно неопределенной конструкции «городского округа». Таким образом, объективная сущность оказывается *de-jure* не существующей или, по крайней мере, выведенной из поля зрения власти.

С другой стороны, визуально наблюдаемые пригороды оказываются довольно сложно зафиксировать, примером чего является недоучет населения. Однако проблема заметно шире, чем необходимость корректировки статистического учета. Такой, на первый взгляд, независимый источник как информация риэлтерских агентств в силу специфики рынка загородной недвижимости существенно искажает реальность. Значительная часть горожан, переезжающих в пригороды, приобретает не готовое жилье, а участки под строительство, многие из которых юридически относятся к землям сельскохозяйственного назначения (в том числе садоводства). В результате в риэлтерских базах данных как пригородная жилая недвижимость массово представлены именно коттеджные поселки, тогда как иные формы пригородных поселений менее заметны. Артикулированные и визуализированные через прямую и контекстную рекламу, эти данные формируют устойчивый образ «коттеджного» пригорода¹. Продажа иного жилья, не подкрепленная рекламными бюджетами, растворяется в стереотипе «нахаловок» и «стихийной застройки».

«Невидимый» пригород оказывается пространством, где складывается неявная, плохо фиксируемая новая граница между городом и сельским пространством. Важно, что эта граница заметно больше, нежели административная черта между городом и селом: это, скорее, пространство социокультурного, властного и экономического фронта. [8, 28, 29, 30]. Формируясь вне поля зрения власти, такое пространство обеспечивает широкие возможности для выработки неформальных практик в процессе столкновения заинтересованных сторон, и может быть определено как механизм образования нового для России социопропространственного факта — пригорода. Разрушая привычную дихотомию города и села, пригороды становятся пространством, дающим широкие возможности для конструирования новых локальностей и сообществ вне «благих намерений государства» [13].

Иными словами, формирующиеся пригороды Иркутска становятся фронтальным пространством, внутренне гетерогенным и формирующимся вне и даже вопреки властному регулированию, что обеспечивает широкое поле возможностей для формирования новых локальностей. В рамках этих концептуальных моментов я попытаюсь проанализировать случай формирования локального сообщества и показать рефлекслируемый характер этого процесса. Рефлекслируемый, а потому во многом целенаправленный со стороны самого складывающегося сообщества, осознанно формирующего локальность не только как физическое, но и как социальное пространство.

¹ В этом смысле показательна, например, врезка карты-схемы к статье «В Приангарье нашли альтернативу высоткам», где в качестве пригорода обозначены лишь строящиеся и перспективные коттеджные и малоэтажные поселки, а обширных жилых массивов, застроенных частным образом, попросту нет [1].

«Хочешь классного соседа — приведи его сам»: образ сообщества и его воплощение

Садоводческое товарищество «Экспериментальный» расположено в 11 км от областного центра по Качугскому тракту, являющегося одним из наиболее значимых направлений стихийного развития пригородов Иркутска. Несмотря на высокий спрос на землю по данному направлению, постоянное население на территории СНТ начало складываться только в 2011-2012 гг. Основными причинами такого положения было полузаброшенное состояние садоводства, образованного еще в 1991 году, отсутствие электричества и воды. Вместе с тем, такое положение обеспечивало важнейший привлекательный фактор — большой размер участков (10-20 «соток») с возможностью покупки и объединения нескольких. Дополнительным моментом, сдерживающим развитие садоводства и одновременно привлекательным для переселенцев из города, было сохранение леса на большей части территории СНТ. Сложный рельеф и достаточно большие размеры СНТ (общая площадь около 96 га, поделенных на 400 участков) позволяют сохранять «зеленые полосы» и в перспективе.

Специфика территории в значительной мере обусловила характер первых постоянных «поселенцев» — относительно обеспеченные представители мелкого бизнеса (группы, которую можно условно обозначить как нижний слой среднего класса), ориентированные не просто на «решение жилищного вопроса», но и добивающиеся комфортной среды для проживания. Уровень доходов не позволял им претендовать на покупку земли по «элитным» загородным направлениям, а готовое жилье в «организованных» коттеджных поселках накладывало массу ограничений (от проекта дома до размера и планировки участка). Наиболее доступная альтернатива — покупка жилья или участка под строительство в быстро растущих пригородных селах отталкивала удаленностью, скученностью, отсутствием желаемой «экологии».

Относительно невысокий уровень доходов новых поселенцев обусловил способ решения наиболее существенных проблем, препятствующих развитию поселения. Проблема электричества была решена не через локальные генераторы, а путем строительства «подстанции» и подключения к высоковольтной ЛЭП в складчину. Пожалуй, именно на этом этапе были определены первые контуры «проекта» формирующейся локальности и будущего сообщества: мощность построенной «подстанции» рассчитывалась исходя не из текущих, а перспективных потребностей поселка в целом, с учетом отопления и уличного освещения. Построенный объект был оформлен в коллективную собственность, которая довольно быстро становится механизмом интеграции новых жителей: подключение каждого нового участка к электричеству в СНТ оформляется как покупка доли в коллективной собственности («подстанции»). К лету 2014 года к электричеству было подключено около 70 хозяйств. Поскольку обслуживание и ремонт собственности лежат на собственниках, такое приобретение доли в имуществе существенно ограничивает автономность и стимулирует участие жителей в коллективных решениях.

Такой ход, однако, создал довольно острое противоречие. Высокие первоначальные вложения потребовали активных усилий по расширению числа жителей, что могло привести к неуправляемому росту и утрате поселком своих привлекательных качеств. Выходом стало создание механизма привлечения и фильтрации новых жителей, основанного на сетевом характере формирования нового сообщества, и ограничение продажи участков «на сторону». Большинство переселенцев «первой волны» стали личные знакомые и родственники первых поселенцев, привлеченные относительной дешевизной приобретения и гарантированной близкой социальной средой. Иными словами, процесс роста сообщества изначально приобрел

рефлексируемый характер, основанный на развернутой в противоположную сторону максиме «выбирай себе соседа».

Продажа свободных участков также стала механизмом отбора потенциальных членов сообщества: поскольку она ведется правлением СНТ (такой статус позволяет избежать сложных процедур, неизбежных в муниципальных администрациях), то ключевым критерием становится цель приобретения участка. Нежелательным покупателям (например, покупка земли под производство или иной бизнес) может быть прямо отказано в продаже или продемонстрированы наиболее непривлекательные участки. Напротив, желательные покупатели уже при демонстрации участков и затем в процессе заселения постепенно включаются в сообщество через передачу опыта (возможности застройки участка и жилого пространства, конструктивные приемы), включение в коммуникационные сети (реклама в формате “person-to-person” (p2p), передача «нужных» контактов), прямую помощь в строительстве или, по крайней мере, организации этого процесса. Сложившийся механизм отбора желательных для сообщества мигрантов выступает фильтром, позволяющим включать в сообщество в большей степени тех, кто ориентирован на участие в производстве соседства и сообщества, значимый именно для периода «первого поколения».[32, с. 1473] Это позволяет достаточно органично соединить представителей самых разных групп (*«менты, продованы, силовики, коммерсы, работяги, интеллигенция всякая»*), в иных условиях почти не имеющих шансов на консолидацию.

Практики отбора желательных членов сообщества сами по себе не гарантируют его консолидации и формирования устойчивых внутригрупповых связей, что рефлексируется большинством моих респондентов. Инструментом формирования устойчивых групповых связей становится коллективная деятельность по консолидации локального сообщества (совместные субботники, праздники). Важно, что эта деятельность не ограничивается прагматичными мотивами, а в полной мере направлена на конструирование как физического, так и символического пространства локальности. Усилиями жителей поселка была создана собственная рекреационная зона из небольшого пруда и пляжа, являющаяся и местом коллективных праздников. Например, здесь проводится празднование Нового года, предполагающее процедуру знакомства с новыми жителями поселка. Постороннему без приглашения попасть на праздник довольно сложно: рекреация расположена в глубине поселка и проезд к ней ограничен шлагбаумом. Пруд как результат коллективной деятельности, таким образом, становится общественным пространством, которое одновременно является и символом общности, и частью ритуала включения в сообщество, и механизмом самоидентификации, отграничения локальности. Важна здесь и символическая составляющая: сама территория поселка не огорожена и проезд в нее открыт, тогда как общее пространство для «не членов» сообщества закрыто. Пространство это рефлексируется именно как публичное, одновременно и физически (отграничение), и символически (через ритуал) присвоенное — *«наше озеро», «наш пляж»*.

Публичные пространства, однако, не ограничиваются «рекреационной» зоной, но возникают и на базе иных коллективной практик, как места для выполнения иных ритуалов совместной деятельности. Общепринятой практикой в садоводстве являются весенние субботники по расчистке улиц, что рефлексируется как актуализация прав символической собственности (*«чтобы помнили, что это все наше»*). «Субботники» по советской еще традиции предполагают после собственно трудовой деятельности совместный пикник. В результате появляется специально выделенное пространство для подобной совместной трапезы после субботника, а позднее — и в других случаях. Важно, что подобные практики позволяют преодолевать и культурные, «этнические» различия: проживающий в СНТ *«товарищ с юга»*, оказывается так-

LOCUS IMAGINEM

же вовлечен в коллективные практики и сообщество. Не принимая участия в «черном» труде, житель берет на себя заботу об организации обеда (*«плов варит в большом таком казане»*), причем, привнося в сообщество практики использования наемного труда (*«не сам, конечно, варит, работники его»*). Важно оговориться, что подобный подход не вызывает отчуждения в том числе и потому, что практики проживания в семье или на участке работников-«таджиков» («узбеков») в пригороде становятся достаточно распространенными.[7]

Иными словами, можно говорить не только о целенаправленном создании общественных пространств, но и о символизации их как групповой собственности, маркирующей присвоение группой локальности. Они становятся узлами сопряжения социального и физического пространства в терминах П. Бурдьё [5] или трех пространств Э. Соджа [31]. Попутно отмечу еще один важный момент: формирование связей сообщества происходит через включение его членов в формирование локального ландшафта — организацию физического пространства поселения. В отличие от коттеджных поселков, в которых участие жителей в планировочных решениях минимально, возникает возможность для прямого или косвенного включения жителей в планировочный процесс. Такое участие, на мой взгляд, само по себе становится эффективным механизмом символического присвоения пространства и одновременно реализацией «проекта» локальности и сообщества.

Динамичное развитие внутригрупповых связей приводит к быстрому изменению привычных «городских» отношений и представлений о комфорте и безопасности. Тесный круг формирующегося сообщества, прямое или максимально «через одно рукопожатие» знакомство большинства жителей поселка приводит к минимизации шанса встретить незнакомца, являющегося неперенным атрибутом урбанизма как образа жизни [21, 32], дистанцируя описываемое сообщество от привычных форм организации городских локальностей. Это в свою очередь изменяет типовое представление о безопасности, которая мыслится не в категориях «преград», а в категориях открытости — высокие «глухие» ограды, характерные для коттеджных поселков, в описываемом СНТ, заменяются контактностью открытых участков. Общность ритмов повседневности, заданная, прежде всего, городской занятостью и крайне низким уровнем развития инфраструктуры и общественного транспорта, обуславливает не дистанцирование, а сближение новых жителей пригородов, не разграничение, а открытость физического пространства, заставляя «выйти» за пределы модели «коттеджного поселка».

Выстраивание внутригрупповых связей приводит к выделению сообщества «постоянных жителей» из традиционных пользователей дачных участков, которых в СНТ «Экспериментальный» остается несколько десятков. Отличия эти рефлексированы и артикулируются «пригорожанами» через разницу отношения к локальности (садоводству): *«Они только пользуются, а мы здесь живем»*. Оспаривание и присвоение пространства происходит и через разницу масштабов: если дачники символически присваивают только собственный участок, то постоянные жители — локальность в целом. В интервью СНТ описывается как целостное пространство с присущими ему характеристиками (*«просторное», «зеленое», «тихое»*), а не как совокупность участков. Это становится еще одним стимулом для определения локальности: для того чтобы присвоить пространство его необходимо «вообразить», сконструировать, построить его ментальную карту. Поскольку же основанием для этого оказывается образ сообщества (загородный поселок без жителей не жизнеспособен), то конструирование («воображение») сообщества становится важнейшим основанием для символического присвоения локальности.

Примечательно, что выделение локальности и сообщества происходит на базе совер-

шенно неформальных статусов и практик: юридически формирующаяся локальность остается частью садоводческого товарищества, а складывающееся сообщество — частью типового дачного «кооператива». Сохранение подобного статуса – осознанный и рефлекслируемый шаг с целью сохранения выгодных ставок налога на недвижимость и тарифов на электроэнергию. Иными словами, сообщество целенаправленно конструирует модель «невидимой» локальности (по аналогии с «невидимым регионом» Л. Бляхера [3, с. 69 – 72]). «Невидимую» для государства и для незаинтересованного наблюдателя, растворенную в столь же «невидимом» пригороде, который, тем не менее, все более явно дает основу для возникновения новых отношений, сообществ, локальностей.

Заключение

Описанный кейс, на мой взгляд, важен как новый для российской ситуации механизм формирования локальности. Воображенное, «спроектированное» пусть в самых общих чертах, сообщество, конструируется здесь не через создание конкретных объектов, а путем буквального производства пространства [11] через трансформацию исходных условий дачного товарищества в загородный поселок. При этом объективируется смена основной функции создаваемой локальности – от подсобного хозяйства с сомнительной рекреационной составляющей к среде комфортного проживания. Изменение в этой логике физического пространства создает основу для складывания нового комплекса фреймов, обуславливающих, в свою очередь, иную систему отношений, поведения, практик повседневности [6, с. 40 – 49].

Протекая вне прямого властного регулирования, этот процесс порождает, по крайней мере, на этапе первого поколения пригорожан, симбиотические формы социальных связей, которые обуславливают не утрату черт «общности» и «общества» [15], а, напротив, их причудливое сочетание. Более того, разделяя тезис об отсутствии единого понимания сообщества с четким набором характеристик [16, с. 106], обозначу описываемый процесс как складывание сообщества, выделяемого и по общности интересов и практик («образ жизни»), и по самоидентификации с местом. Новизна для российских регионов пространства пригородов и его выраженная гетерогенность, основанная на широком спектре способов (ре)освоения физического пространства, создает обширное поле для конструирования локальностей и сообществ. Это, однако, не прямое распространение городского многообразия, но конструирование на его основе симбиотических форм сообществ, в которых система отношений не номинируются административно или диктуются прочно устоявшимися фреймами, но прорастает «снизу», вопреки им [12, с. 43 – 44].

В этом смысле описанный кейс несет большую символическую нагрузку. Устоявшегося сообщества еще нет, оно только конструируется, но уже воображено и вписано в локальность, созданную как проекция этого воображенного сообщества в осваиваемое физическое пространство. В свою очередь, пространство пригорода в России, пожалуй, еще не возникло, а лишь конструируется, воплощая модель «третьего пути» [20] между урбанизмом и сельским образом жизни. Это пространство и возникающее в нем локальности пока остаются «невидимым» для власти, не вписываются в устоявшиеся рамки и модели, и в этом находят источник развития.

Библиография

1. АиФ в Восточной Сибири. №24. 2012. 14 июля.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 288 с.
3. Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. — М.: Европа, 2014. — 208 с.
4. Бреславский А. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М.Н. Балдано. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. — 192 с.
5. Бурдые П. Физическое и социальное пространство // Бурдые П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — С. 49 – 63.
6. Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов. — СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2013. — 334 с.
7. Григоричев К.В. Таджики, нерусские, гастарбайтеры и другие: иностранные трудовые мигранты в пригородах Иркутска // Этнографическое обозрение, 2012, №4. — С. 14 – 31.
8. Замятин Д. Постгеография города: стратегии пространственного воображения // Русский журнал. 07 июля 2013 г. URL: <http://russ.ru/pole/Postgeografiya-goroda-strategii-prostranstvennogo-voobrazheniya>
9. Иркутскстат. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <http://irkutskstat.gks.ru/>
10. Корюхина И. Ю., Куклина В. В. Взаимодействие города и села в пространствах пригорода (случай Иркутска) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014, № 3. — С. 14 – 21
11. Лефевр А. Пространство. Социальный продукт и потребительная стоимость // Социология власти. 2014, № 2. — С. 190 – 202
12. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. — СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2013. — 330 с.
13. Скотт Дж. Благими намерениями государства. — М.: Университетская книга, 2005. — 568 с.
14. Социальный портрет потребителя в сфере архитектуры и дизайна // Architecture&Design URL: <http://akorovina.weebly.com/3/post/2011/10/first-post.html>
15. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. — СПб.: «Владимир Даль», 2002. — 452 с.
16. Тыканова Е., Хохлова А. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014, № 2. — С. 104 – 122.
17. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (06 октября 2003 г.)
18. Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). — М.: Наталис, 2010. — 384 с.
19. Baldassare M. Suburban communities // Annual review of sociology, 1992, Vol. 18. — Pp. 475 – 494.
20. Fava S.F. Suburbanism as a Way of Life // American Sociological Review, 1956, Vol. 21, No. 1. — Pp. 34 – 37.
21. Fischer S., The Subcultural Theory of Urbanism: A Twentieth-Year Assessment // American Journal of Sociology, 1995, Vol. 101, No. 3. — Pp. 543 – 577.
22. Forsyth A. Defining Suburbs // Journal of Planning Literature, 2012, Vol. 27(3). — Pp. 270 – 281.
23. Gieryn T.F. A Space for Place in Sociology // Annual Review of Sociology, 2000, Vol. 26. — Pp. 463 – 496.
24. Hall M., Lee B. How Diverse Are US Suburbs? // Urban Studies, 2010, Vol. 47(1). — Pp. 3 – 28.
25. Harris R. Chicago's Other Suburbs // Geographical Review, 1994, Vol. 84, No. 4. — Pp. 394 – 410.
26. Jackson, K. T. Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States. — Oxford University Press, 1985. — 396 p.
27. Miller B. Not All Suburbs Are the Same: The Role of Character in Shaping Growth and Development in Three Chicago Suburbs // Urban Affairs Review, 2012, Vol. 49(5). — Pp. 652 – 677.
28. Sassen S. Cities as frontier zones: Making informal politics // Московская биеналле современного искусства. URL: http://2nd.moscowbiennale.ru/en/sassen_report/
29. Sassen S. The city: Today's Frontier Zone // Glocalism: journal of culture, politics and innovation? 2014, №3,

- URL: <http://www.glocalismjournal.net/Issues/GLOBAL-CITIES/Articles/The-City-TodayS-Frontier-Zone.kl>
30. Sassen S. When the center no longer holds: Cities as frontier zones // *Cities*, 2013, Vol. 34. — Pp. 67 – 70.
31. Soja E. Thirdspace: Expanding the Scope of the Geographical Imagination // *Human Geography today / Massey D., Allen J. и Sarre P.* — Cambridge: Polity, 1999. — P. 260-278.
32. Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // *Urban Studies*, 2013, Vol. 50(8). — Pp. 1471 – 1488.
33. Zhu J., Guo Y. Fragmented Peri-urbanisation Led by Autonomous Village Development under Informal Institution in High-density Regions: The Case of Nanhai, China // *Urban Studies*, 2014, N51(6). — Pp. 1120 – 1145.
34. Zhu J., Ma L. Economic restructuring and suburbanization in China // *Urban Geography*, 2000, Vol. 21:3. — Pp. 205 – 236.

References

1. AiF v Vostochnoi Sibiri. №24. 2012. 14 July.
2. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism [Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma]. — M.: "KANON-press-Ts", "Kuchkovo pole", 2001. — 288 s.
3. Bliakher L. Iskusstvo neupravliaemoi zhizni. Dal'nii Vostok. — M.: Evropa, 2014. — 208 s.
4. Breslavskii A. Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaia migratsiia i rost Ulan-Ude v postsovetskii period / nauch. red. M.N. Baldano. — Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2014. — 192 s.
5. Bourdieu P. Fizicheskoe i sotsial'noe prostranstvo // Bourdieu P. Sotsiologiiia sotsial'nogo prostranstva. — M.: Institut eksperimental'noi sotsiologii; SPb.: Aleteiia, 2007. — S. 49 – 63.
6. Vakhshain V. Sotsiologiiia povsednevnosti i teoriia freimov. — SPb.: Izd-vo EUSPb, 2013. — 334 s.
7. Grigoriev K.V. Tadzhiiki, nerusskie, gastarbaityery i drugie: inostrannye trudovye migranty v prigorodakh Irkutskai // *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, №4. — S. 14 – 31.
8. Zamiatin D. Postgeografiia goroda: strategii prostranstvennogo voobrazheniia // *Russkii zhurnal*. 07 iulia 2013 g. URL: <http://russ.ru/pole/Postgeografiya-goroda-strategii-prostranstvennogo-voobrazheniya>
9. Irkutskstat. Territorial'nyi organ federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Irkutskoi oblasti. URL: <http://irkutskstat.gks.ru/>
10. Koriukhina I. Iu., Kuklina V. V. Vzaimodeistvie goroda i sela v prostranstvakh prigoroda (sluchai Irkutskai) // *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2014, № 3. — S. 14 – 21
11. Lefebvre H. Prostranstvo. Sotsial'nyi produkt i potrebitel'naia stoimost' // *Sotsiologiiia vlasti*. 2014, № 2. — S. 190 – 202
12. De Certeau M. Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'. — SPb.: Izd-vo EUSPb, 2013. — 330 s.
13. Scott J. Seeing Like a State [Blagimi namereniiami gosudarstva]. — M.: Universitetskaia kniga, 2005. — 568 s.
14. Sotsial'nyi portret potrebitelia v sfere arkhitektury i dizaina // *Architecture&Design* URL: <http://akorovina.weebly.com/3/post/2011/10/first-post.html>
15. Tönnies F. Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye poniatiiia chistoi sotsiologii. — SPb.: "Vladimir Dal", 2002. — 452 s.
16. Tykanova E., Khokhlova A. Traektorii samoorganizatsii lokal'nykh soobshchestv v situatsiakh osparivaniia gorodskogo prostranstva // *Sotsiologiiia vlasti*. 2014, № 2. — S. 104 – 122.
17. Federal'nyi zakon ot 06.10.2003 N 131-FZ (red. ot 29.12.2014) "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniia v Rossiiskoi Federatsii" (06 oktiabria 2003 g.)
18. Humphrey C. Postsovetskie transformatsii v aziatskoi chasti Rossii (antropologicheskie ocherki). — M.: Natalis, 2010. — 384 s.
19. Baldassare M. Suburban communities // *Annual review of sociology*, 1992, Vol. 18. — Pp. 475 – 494.
20. Fava S.F. Suburbanism as a Way of Life // *American Sociological Review*, 1956, Vol. 21, No. 1. — Pp. 34 –

LOCUS IMAGINEM

37.

21. Fischer S., The Subcultural Theory of Urbanism: A Twentieth-Year Assessment // *American Journal of Sociology*, 1995, Vol. 101, No. 3. — Pp. 543 – 577.

22. Forsyth A. Defining Suburbs // *Journal of Planning Literature*, 2012, Vol. 27(3). — Pp. 270 – 281.

23. Gieryn T.F. A Space for Place in Sociology // *Annual Review of Sociology*, 2000, Vol. 26. — Pp. 463 – 496.

24. Hall M., Lee B. How Diverse Are US Suburbs? // *Urban Studies*, 2010, Vol. 47(1). — Pp. 3 – 28.

25. Harris R. Chicago's Other Suburbs // *Geographical Review*, 1994, Vol. 84, No. 4. — Pp. 394 – 410.

26. Jackson, K. T. *Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States*. — Oxford University Press, 1985. — 396 p.

27. Miller B. Not All Suburbs Are the Same: The Role of Character in Shaping Growth and Development in Three Chicago Suburbs // *Urban Affairs Review*, 2012, Vol. 49(5). — Pp. 652 – 677.

28. Sassen S. Cities as frontier zones: Making informal politics // *Московская биеналле современного искусства*. URL: http://2nd.moscowbiennale.ru/en/sassen_report/

29. Sassen S. The city: Today's Frontier Zone // *Glocalism: journal of culture, politics and innovation?* 2014, №3, URL: <http://www.glocalismjournal.net/Issues/GLOBAL-CITIES/Articles/The-City-TodayS-Frontier-Zone.kl>

30. Sassen S. When the center no longer holds: Cities as frontier zones // *Cities*, 2013, Vol. 34. — Pp. 67 – 70.

31. Soja E. *Thirdspace: Expanding the Scope of the Geographical Imagination* // *Human Geography today / Massey D., Allen J. и Sarre P.* — Cambridge: Polity, 1999. — P. 260-278.

32. Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // *Urban Studies*, 2013, Vol. 50(8). — Pp. 1471 – 1488.

33. Zhu J., Guo Y. Fragmented Peri-urbanisation Led by Autonomous Village Development under Informal Institution in High-density Regions: The Case of Nanhai, China // *Urban Studies*, 2014, N51(6). — Pp. 1120 – 1145.

34. Zhu J., Ma L. Economic restructuring and suburbanization in China // *Urban Geography*, 2000, Vol. 21:3. — Pp. 205 – 236.